

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

ФАНАТИЗМ КАК ПРОБЛЕМА ДУХОВНОГО ЗДОРОВЬЯ ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕСТВА

Сообщение 1. *Психоисторическая характеристика*

Г.В. Залевский (Томск)

Аннотация. Аргументируется актуальность, приводится ряд определений понятия «фанатизм» и дается его психоисторическая характеристика.

Ключевые слова: фанатизм, духовное здоровье, деформация, личность, общество.

Ни одна человеческая страсть не приносит столько несчастья, оставаясь одновременно столь загадочной, как фанатизм.

Петер Концен

Приходится, к сожалению, констатировать, что на переходе между тысячелетиями Россию, как и другие страны планеты, поражают волны моральных эпидемий, национальных и религиозных конфликтов, информационных и психологических, страхов, убийств людей только за то, что они – иные, иначе мыслящие, инакововерующие, инакоживущие, принадлежащие к другой нации, религии, партии или стране. Все это свидетельствует о растущем духовном нездоровье человеческих сообществ и немалого числа их членов, характеризующемся обесцениванием прежде всего человеческой жизни, а затем и многих производных от нее ценностей. Нередко на место ценностей в силу разных причин, о которых мы будем говорить ниже, разумеется делая акцент на причинах психологических, заступают псевдоценности. И это происходит в контексте все нарастающего разрыва, или «схизиса», между цивилизацией и культурой. Цивилизация все более вымывает ценности, составляющие содержание и суть культуры, постепенно заступает на место культуры, т.е. из средства человеческой жизнедеятельности, целью которой является сохранение и развитие культуры и формирование человека культуры, цивилизация становится целью, скорее самоцелью [3, 4].

Отмечаемая тенденция – не порождение двадцатого или двадцать первого века, она была замечена уже в эпоху Возрождения и в последующие эпохи гуманизма, Просвещения. «История человечества, – пишет П. Концен, автор одной из серьезных работ по фанатизму последних лет, – это также история ее фанатизма и радикальных верований всех оттенков, которые в свое время натворили столько несчастья, сколько все негодяи и подлецы, вместе взятые» [11. С. 9]. Просто в последние столетия темпы цивилизации настолько возросли, разрыв между цивилизацией

и культурой настолько увеличился, а технические возможности настолько стали богаче (это вам не времена яда и кинжала или меча), что значительно обострились противоречия не только между ними в конкретных человеческих сообществах, но и между сообществами. Сегодня из комбинации фундаментлистского духа и оружия массового уничтожения растет новый сценарий угрозы апокалиптического размера. Еще в 1930 г. З. Фрейд [16. С. 506] пророчески говорил о том, что надо иметь в виду, что «люди в овладении силами природы зашли так далеко, что с их помощью им легко уничтожить друг друга до последнего человека. Они об этом знают, отсюда значительная часть их сегодняшнего беспокойства, их несчастья, их состояния страха». В настоящее время дискутируется вопрос о том, каких войн мы уже являемся свидетелями – между цивилизациями, между культурами, между цивилизацией и культурой (варварами и неварварами), между Востоком и Западом, Севером и Югом [11, 23, 25–27].

Подозрение, что в основе межличностных, межгрупповых конфликтов и конфликтов между социальными сообществами во все времена лежит деформация или деструкция – нарушение структуры, обесценивание, дистрибуция, извращение вплоть до патологизации – ценностной системы (системы ценностных норм, ценностных установок, ценностных позиций, ценностных ориентаций), одной из крайних форм которой является фанатизм (бытовой, религиозный, этнический, политический и др.), высказано в целом ряде исследований [1, 2, 5–22, 24, 29, 30, 33, 35]. Поэтому справедливо мнение об актуальности основательного научного изучения феномена фанатизма и его профилактики сегодня более, чем когда-либо раньше. Фанатизм, скорее всего, связан со всеми сторонами человеческой природы, здоровыми и

аномальными, сознательными и бессознательными, рациональными и иррациональными. Он может оставаться закапсулированным, но может вспыхнуть и разгореться, захватывая отдельных людей, группы людей и массы. Когда мы говорим о фанатизме, то в едином с ним контексте должны присутствовать ценности, убеждения, видения, которые переживаются со столь аномальной односторонностью, порой отстаиваются со столь смертельной последовательностью, так что столкновение с окружением оказывается как бы запрограммированным [11. С. 9–11].

Следует согласиться с мнением Концена [11. С. 17], что, наверное, лучше всего рассмотрение взаимной игры внутренних страстей и внешней общественно-исторической реальности, одним из страшных вариантов которой, несомненно, является фанатизм, возможно в рамках психоистории.

Впервые понятие фанатизма в обиход ввел Ж. Босюэ (1627–1704), католический епископ, бывший одним из главных идеологов французского абсолютизма, для которого фанатиками были протестанты, поскольку они полагали, что все их «мечтания» вдохновлены Богом, а не парижские буржуа, которые в 1572 г., в ночь на 24 августа, в день празднования апостола Варфоломея, по словам Вольтера, «со всех ног бросились убивать, перерезать горла, выбрасывать из окон и рубить на куски своих сограждан только за то, что они не ходили к мессе» [36].

Принципиально иное определение фанатизму дает во Французской энциклопедии 1777 г. М. Делейр: «Это введенное в действие суеверие или плод незнания, примитивной души, иррационального или, вернее, предрационального сознания, которое родилось в лесах среди ночной темноты и панических страхов и воздвигло первые языческие храмы» (цит. по [5. С. 23]).

У римских авторов латинское слово *fanatici* употреблялось применительно исключительно к жрецам, практиковавшим экстатические культы, в которых боги являли себя через экстаз этих жрецов. Определение фанатизма, ставшее классическим, дает Вольтер в «Философском словаре» (1764), считая, что того, кому свойственны экстазы и видения, кто принимает свои сны за нечто реальное и плоды своего воображения за пророчества, можно назвать энтузиастом, но тот, кто поддерживает свое безумие, убивая, фанатик. Суть фанатизма, по Вольтеру, состоит в том, что фанатик, отстаивая свою позицию, готов казнить и убивать, при этом он всегда и исключительно опирается на силу, наиболее отвратительным примером чего он считает Варфоломеевскую ночь. Вольтер пишет и о фанатиках с холодной кровью, это «судьи, которые выносят смертные приговоры тем, кто думает иначе, чем они». По Вольтеру, фанатизм – это тот «плод незнания и примитивной души»,

который «меньше возбуждается книгами, а больше собраниями и публичными выступлениями, т.е. толпой». Фанатизм всегда мрачен и жесток, это одновременно суеверие, лихорадка, бешенство и злоба. Эта оценка перекликается с греческой этимологией слова «фанатизм» – *thanatikos* – смертоносный. Фанатику всегда свойственно пренебрежительное отношение к жизни, как к чужой, так и к своей собственной. Примером тому могут быть террористы, направившие пассажирские самолеты на здания Всемирного торгового центра в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г., или террористы, захватившие школу в Беслане, театральный центр на Дубровке в Москве и т.д. К сожалению, случаи подобного рода множатся. При этом фанатик как бы пытается замещать Бога, который, с его точки зрения, медлит, а потому он начинает действовать вместо Бога.

Н. Бердяев еще в 1937 г. подчеркнул, что нетерпимый фанатик совершает насилие, отлучает, сажает в тюрьмы и казнит. Но по сути слабый, а не сильный, он подавлен страхом, а его сознание страшно сужено, он меньше верит в Бога, чем терпимый. Коммунисты, фашисты, фанатики ортодоксального православия, католичества или протестантизма ни с какими идеями не спорят, отбрасывают противника в противоположный лагерь, на который наставляют пулеметы. Фанатик, как правило, не столько осознает, сколько лишь ощущает слабость своей позиции, но при этом мобилизует все свои силы именно на беспощадную защиту исповедуемой истины.

В то же время, наверное, правильной является мысль о том, что не следует всех «фанатиков рядить в безумцы» [1], что не «все фанатики – психопаты» [5], хотя Курт Шнайдер [34] их к таковым относит. Трудно «нормальными масштабами оценить убийства без угрызания совести, но все же следует признать, что фанатическое – не есть изначально болезненное» [11. С. 49].

Фанатизм выходит на авансцену истории в эпохи, во-первых, упадка живой веры и кризиса религиозного мирозерцания, во-вторых, в моменты смены духовных ориентиров, когда большинство верующих, в том числе и за пределами религиозной веры, крайне слабо представляют, во что они верят или должны верить, и наконец, в те периоды, когда в жизни общества вообще начинает преобладать новое. Становится понятным, почему фанатизм стал «тенью Возрождения». Бурное развитие национальных языков и литературы, изобразительного искусства, быстрое распространение книгопечатания и последовавшие за этим великие географические открытия и революция в области классической науки изменили мир до неузнаваемости, что спровоцировало кризис в области религиозного мировоззрения. Запылали костры инквизиции, началась борьба Саванаролы с культурой.

Вспышки фанатизма приводят к весьма серьезным последствиям, поскольку он обладает огромной деструктивной силой, разрушающей общество, «разрывает все связи в обществе» [36].

Двадцатый, да и начавшийся век двадцать первый во многом оказываются похожими на эпоху Возрождения. Вряд ли стоит в данном случае перечислять все то, что принесла цивилизация, но все это до неузнаваемости изменило мир вокруг нас. Человек, исповедующий традиционные ценности, зачастую не готов осмыслить все, что происходит вокруг него, нередко попадает в ловушку предрассудков и фанатизма («фанатических предрассудков»). Это, как правило, сопровождается уже упомянутой выше деструкцией общечеловеческих ценностей, когда следование идеологии, догме, предрассудку, оказывается ценнее человеческой жизни.

В толковом словаре Владимира Даля фанатизм также определяется как изуверство, грубое упорное суеверие, замест веры; преследование инакомыслящих именем веры. Фанатизм, скорее, является «побочным» продуктом развития религиозного сознания в переломные эпохи, фанатизм – это, скорее, «извращенное дитя религии» [36].

Конечно, бедность, обнищание, унижительное подавление и т.д. играют огромную роль при возникновении человеческого фанатизма. Но было бы

ошибочным рассматривать фанатических личностей лишь в качестве марионеток в руках властных констелляций и господствующих интересов. Не только приказ Гитлера является причиной Холокоста. Самое последнее решение по Холокосту вышло из психики конкретного человека [11. С. 18]. Влечение к экстремальному/крайностям, к расщеплению и проекции исходит из глубины человеческой психики, а потому следует попытаться осветить внутриспсихические корни фанатизма, в то же время помня, что все формы человеческого фанатизма развиваются принципиально в процессах взаимодействия. С одной стороны, индивидуальные страхи и переживания вносят дестабилизацию и репрессивность в общественный климат, а с другой – социальные кризисы обостряют индивидуальную идентичную неуверенность, подогревают готовность к тяжелым аффектам и предубежденностям, питающим фанатизм [11. С. 27], а затем и терроризм. В этой связи уместно сослаться на мнение А.Ш. Тхостова и К.Г. Сурнова (2007. С. 27–28), которые наряду с выделением социальных, экономических и религиозных корней терроризма считают «важным обосновать выделение специфической психологической составляющей этой проблемы». Но эта тема станет предметом рассмотрения во втором нашем сообщении.

Литература

1. Асмолов А.Г. Психология обыкновенного фанатизма // Межкультурный диалог: Исследования и практика / Под ред. Г.У. Солдатовой, Т.Ю. Прокофьевой, Т.А. Лютой. М.: Центр СМИ МГУ им. М.В. Ломоносова, 2004. С. 6–14.
2. Бердяев Н.А. Русские записки // Человек. 1937/1997. № 9.
3. Залевский Г.В. Теория субъекта и фиксированные формы поведения // Психологический журнал. 2003. Т. 24, № 3. С. 32–36.
4. Залевский Г.В. Фиксированные формы поведения индивидуальных и групповых систем (в культуре, образовании, науке, в норме и патологии). Москва: Смысл; Томск: ТГУ, 2004.
5. Чистяков Г.П. Психология религиозного фанатизма // Межкультурный диалог: Исследования и практика / Под ред. Г.У. Солдатовой, Т.Ю. Прокофьевой, Т.А. Лютой. М.: Центр СМИ МГУ им. М.В. Ломоносова, 2004. С. 22–31.
6. Adorno T.W. Studien zum autoritären Charakter. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1973.
7. Auchter T. et al. (Hrsg.) Der 11. September. Psychoanalytische, psychosoziale und psychohistorische Analysen von Terror und Trauma. Giessen: Psychosocial-Verlag, 2003.
8. Bolterauer L. Der Fanatismus. Eine Tiefenpsychologische Studie // Psyche. 1975. № 56. S. 699–719.
9. Bolterauer L. Die Macht der Begeisterung. Fanatismus und Enthusiasmus in tiefenpsychologischer Sicht. Tübingen: Edition discord, 1989.
10. Bullock A. Hitler und Stalin. Berlin: Siedler Godmann-Verlag, 1991.
11. Conzen P. Fanatismus. Stuttgart: Kohlhammer, 2005.
12. De Boer W. Terrorismus: Der «Wahn» der Gesunden // Schwind (Hrsg.), Ursachen des Terrorismus in Bundesrepublik Deutschlands. Berlin, New York: De Gruyter, 1978. S. 122–153.
13. Eilias N. Über den Prozess der Zivilisation. Soziogenetische und psychogenetische Untersuchungen. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1976.
14. Federn E. Versuch einer Psychologie des Terrors // Psychosocial. (1989) Jahrgang. Vol. 12, h. 37. S. 53–73.
15. Flöttmann H.B. Zur Psychologie der Gewalt. Über den Ursprung von Fanatismus, Faschismus und Terrorismus // TW Neurologie Psychiatrie. 1991. Vol. 5. S. 377–388.
16. Freud S. Das Unbehagen der Kultur // GW. 1930. Vol. 14. S. 419–506.
17. Fromm E. Anatomie der menschlichen Destruktivität. Stuttgart: Europ. Verlagsanstalt, 1974.
18. Grabner-Haider A. et al. (Hrsg.) Fanatismus und Massenwahn. Graz/Wien: Leykam-Verlag, 1987.
19. Heine P. Terror in Allahs Namen. Extremistische Kräfte im Islam. Freiburg: Herder, 2001.
20. Hoffer E. Der Fanatiker. Reinbeck: Rowohlt-TB-Verlag, 1965.
21. Hoffmann B. Terrorismus. Der unerklärte Krieg. Frankfurt a. M.: Fischer, 1999.
22. Hole G. Fanatismus. Der Drang zum Extrem und seine psychische Wurzeln. Freiburg: Herder, 1995.
23. Huntington S.P. Kampf der Kulturen. Wien; München, 1996.
24. Klöpfer M., Lindner R. (Hrsg.) Destruktivität: Wurzeln und Geschichte. Göttingen: Vandenhoeck&Ruprecht, 2001.
25. Lanquer W. Krieg dem Westen. Terrorismus im 21. Jahrhundert. München: Propylän, 2003.
26. Lewis B. Die Wut der arabischen Welt. Frankfurt a. M.: Campus, 2003.

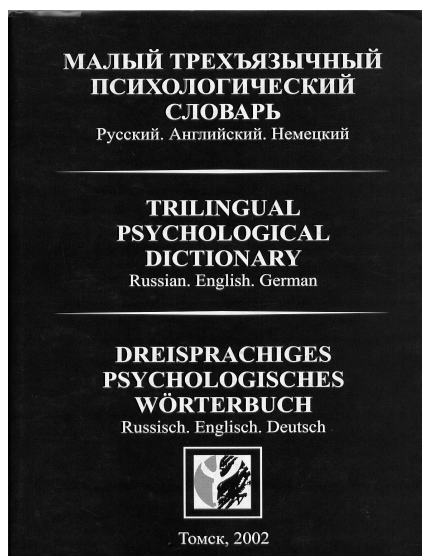
27. Meyer T. Fundamentalismus. Aufstand gegen der Moderne. Hamburg: Rowohlt-TB-Verlag, 1989.
28. Mitscherlich A. Zur Psychologie des Vorurteils // Vorurteil / Hrsg. von Anita Karsten. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchhandlung, 1978. S. 270–285.
29. Reuter C. Mein Leben ist eine Waffe. Selbstmordattentäter. Psychogramm eines Phänomens. München: Bertelsmann-Verlag, 2002.
30. Rokeach M. Beliefs, Attitudes and Values. San Francisco: Jossey-Bass Publishers, 1969.
31. Rudin J. Fanatismus. Eine psychologische Analyse. Olten und Freiburg: Walter-Verlag, 1975.
32. Schldör B. Soziale Werte und Werthaltungen. Opladen: Leske+Budrich, 1993.
33. Schmidbauer W. Alles oder nichts. Über die Destuktivität von Idealen. Hamburg: Reinbeck-Verlag, 1980.
34. Schneider K. Klinische Psychopathologie. 10 Aufl. Stuttgart: Thieme, 1973.
35. Speamann R. Fanatisch-Fanatismus // Historisches Wörterbuch der Philosophie. Bd. 2. Basel; Stuttgart: Verlag Schwabe, 1972. S. 904–908.
36. Voltaire F.M. Le fanatisme on Mahomet le Propete. Amsterdam, 1743.

FANATISM AS A PROBLEM OF SPIRITUAL HEALTH OF PERSON AND SOCIETY

G.V. Zalevsky (Tomsk)

Summary. In the article is arguemented the problem of fanaticism are gathered some definitions of some conceptions of fanaticism and is given its psycho-historical characteristics.

Key words: fanaticism, spiritual health, deformation, person, society.

Малый трехязычный психологический словарь: русский, английский, немецкий / Сост. Г.В. Залевский, Е.И. Залевская, В.Г. Залевский. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. – 380 с.

ISBN 5-7511-1492-2

Для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов и для всех тех, кто так или иначе связан с чтением и переводом психологической литературы.